

В. В. Дементьева

ТЕОДОР МОММЗЕН: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РИМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ¹

В каждой науке есть великие имена, известные не только тем, кто ею непосредственно занимается, а любому, в той или иной степени образованному, человеку. Список таких блестящих, всемирно знаменитых имен исследователей античности открывает, безусловно, Теодор Моммзен (30.11.1817–01.11.1903). Даты бесстрастно говорят о том, что минуло уже столетие со дня его смерти. Однако антиковедение прошло этот вековой путь «после Моммзена» отнюдь не без него, поскольку постоянно опиралось на результаты его титанического труда, неизменно обращаясь к огромному наследию, оставленному им как ученым и организатором науки.

В своей неутомимой деятельности по созданию условий для развития научных изысканий Моммзен решил немало важнейших и масштабных задач. Он возглавил издание *Corpus Inscriptionum Latinarum*, до сих пор насущно необходимого специалистам. Попытки собрать воедино и опубликовать все найденные латинские надписи до Моммзена заканчивались безуспешно. Только энергия, жизнестойкость, потребность природы доводить дело до конца, свойственные Моммзену, позволили под его руководством начать в 1863 г. осуществление этого проекта². Моммзен был инициатором издания (с 1866 г.) журнала «*Heftes*», на страницах которого было опубликовано немало статей, и поныне не потерявших научной актуальности. С 1858 г. он стал действительным членом Королевской Прусской Академии наук в Берлине и одновременно членом ее многочисленных комиссий³. В 1858–1884 гг. Моммзен входил в состав Центральной дирекции Немецкого археологического института, которую он называл «смесью бюрократии и археологии»⁴, отвоевывая у бюрократии жизненное пространство для науки. Плодотворна была его деятельность по налаживанию работы Римско-Германской комиссии, ее музеев и библиотек. Перечень этот можно легко продолжить (издание *Thesaurus Linguae Latinae*, Кодекса Феодосия, Дигест и т.д.). Трудно только понять, как все это мог успеть сделать один человек.

Значительную часть своей жизни Моммзен был университетским профессором – в Лейпциге, Цюрихе, Бреслау и Берлине (в трех первых из перечисленных городов в качестве профессора права, в Берлине – римской истории). В новой биографии Моммзена⁵ Штефан Ребених отмечает, что преподавание было для ученого, сконцентриро-

¹ Статья подготовлена в рамках проектов: «Античная государственность: политическая теория и правовые механизмы реализации власти» (УР-10.01.015), выполняемого при финансовой поддержке программы «Университеты России»; «Римское государство в переломные эпохи: формирование политико-правовых основ Республики и Империи» (грант Минобразования по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук Г02-1.2-535).

² К моменту смерти ученого было подготовлено 15 томов, пять из которых – им лично. См. *Demandt A. Geschichte der Geschichte. Wissenschaftshistorische Essays. Köln-Weimar-Wien, 1997. S. 139.*

³ С 1874 по 1895 г. Моммзен был также и секретарем Академии.

⁴ См. *Demandt. Op. cit. S. 141.*

⁵ Рецензируя новый биографический труд о Моммзене, Вильфрид Ниппель весьма высоко оценил книгу Шт. Ребениха, отметив, что она «является удачным примером того, как можно написать биографию ученого в качестве увлекательного и с удовольствием читаемого сочинения, вносящего вклад в историю культуры немецкого бюргерства» (*Nippel W. «Ich wünschte, ein Bürger zu sein» // Literaturen. 2003. 03 (März). S. 71–72.* В заголовок вынесены слова Т. Моммзена). Противопоставляя исследование Ребениха четырехтомной биографии Моммзена, написанной Лотаром Виккертом и вышедшей в свет с 1959 по 1980 г., автор рецензии, характеризуя это издание, само слово «биография» берет в кавычки и отмечает, что результат работы Виккерта разочаровал: сортируя письма и бумаги Моммзена, он только пересказывал in extenso публикуе-

ванного на исследовательских и организационных проблемах науки, бременем и обузой⁶. Судя по тому, что написано о Моммзене как преподавателе, он не снискал славы блестящего лектора, нередко студенты его просто не понимали. Да и его пессимистичное определение преподавательской деятельности – «Affentheater» («балаган», буквально – «обезьяний театр») – выдает далеко не вдохновенное отношение к ней. Однако абсолютно ясно, что интеллектуальных и физических сил этот труд требовал немалых.

На первый взгляд кажется, что Моммзену не слишком повезло с учениками, – всегда хочется найти в числе таковых фигуры, равные учителю. Но в данном случае масштаб ученого столь громаден, что не то что превзойти (ис каждого учителя можно превзойти), а хотя бы в какой-то степени приблизиться к нему – неизмеримо трудно. Достойные специалисты в числе учеников Моммзена, конечно, были: можно назвать, например, известные имена Отто Гиршфельда, Германа Дессау, Альфреда фон Домашевского. Их исследовательская и публикаторская деятельность – это тоже «наследие Моммзена» в мировом антиковедении.

Названные сферы приложения сил Моммзена не помешали ему остаться выдающимся ученым, гениальным мастером своего дела. Оттачивать мастерство, несомненно, помогала феноменальная работоспособность: биографы указывают, что до приглашения в Берлин⁷ в списке публикаций его «научной продукции» было 262 названия, а с 1858 по 1905 г. – свыше 1200 наименований⁸. Безусловно, Моммзен – ярчайший пример «трудоголика» в науке, смыслом жизни которого было творчество исследователя: он впадал в глубокую депрессию, когда заканчивал один большой труд и еще не начинал новую книгу⁹.

По базовому университетскому образованию (Киль, 1838–1843 гг.) Моммзен был юристом; по юридическим наукам он защитил диссертацию, плодотворно трудясь «в пограничной области между правоведением и историей»¹⁰, но, как отмечал Вольфганг Кункель, был при этом филологом и языковедом не менее, чем историком. Он «создал такую дисциплину, как латинская эпиграфика, и был первым, кто полностью охватил проблемы римской экономической и социальной истории»¹¹.

Вклад Моммзена в изучение античного Рима многогранен. Всемирную известность он приобрел как лауреат Нобелевской премии 1902 г. по литературе, заслужив такое признание своей «Римской историей» (1854–1856 гг.). Он писал ее ради заработка (потеряв профессию в Лейпциге¹², став, по определению Арнальдо Момigliaно, «жертвой реакции в немецких университетах после 1848 г.»¹³), и рассматривал свой труд именно как литературный. В письме Вильгельму Генцену от 31 июля 1851 г. Моммзен

мые источники. В своей рецензии Ниппель касается предыстории появления публикации Виккерта. Сам Моммзен в завещании, составленном в 1899 г., просил свою семью препятствовать, по возможности, появлению жизнеописаний и, в особенности, не предоставлять для этой цели никаких бумаг. Однако он не возражал против того, чтобы его бумаги стали доступными для изучения через 30 лет после его смерти. В 1933 г. Берлинская Академия приняла решение о подготовке биографии своего бывшего члена, а в 1934 г. дала поручение Лотару Виккерту разработать рукописи Моммзена и создать подробный труд о его жизни и научном творчестве.

⁶ *Rebenich S. Theodor Mommsen. Eine Biographie. München, 2002. S. 132.*

⁷ Александр Демандт замечает, что на приглашении Моммзена в Берлинскую Академию, датированном 27 октября 1857 г., стоит подпись Фридриха Вильгельма IV – это одно из самых последних государственных дел, совершенных большим королем. См. *Demandt. Op. cit. S. 138.*

⁸ *Rebenich. Op. cit. S. 132.*

⁹ *Ibid. S. 208.*

¹⁰ *Kunkel W. Theodor Mommsen als Jurist // Chiron. 1984. 14. S. 370.*

¹¹ *Ibid. S. 369.*

¹² *Demandt. Op. cit. S. 138; Nippel. «Ich wünschte...». S. 71.* В апреле 1851 г. Моммзен был уволен из университета в Лейпциге и только через год, в конце апреля 1852 г., начал преподавать в университете Цюриха. В Цюрихе он интенсифицировал работу над «Римской историей» – средства нужны были для содержания семьи: в сентябре 1854 г. Моммзен женился, а в 1855 г. у него родился первый ребенок (из шестнадцати), любимая дочь Мария, ставшая впоследствии женой известного филолога-классика Ульриха фон Виламовица-Меллендорфа (см. *Rebenich. Op. cit. S. 71, 75, 86, 194–196, 205.*)

¹³ *Montigliano A. Wege in die Alte Geschichte. Frankfurt am Main, 1995. S. 181.*

посетовал (это «работа вхолостую, за которую меня вряд ли кто-нибудь поблагодарит») ¹⁴, приведя по памяти цитату из Горация о том, что юрист, даже не очень знающий и не очень красноречивый, уважаем, а поэту не прощают посредственности ¹⁵. Критика, действительно, была беспощадной, а иногда просто уничижительной и явно несправедливой: «Позор столетия», – назвал «Римскую историю» Якоб Бахофен ¹⁶. Однако «Римская история» оказалась далеко не посредственным сочинением. Одно перечисление имен тех, кто номинировался на Нобелевскую премию вместе с Моммзеном (и на чьем фоне ему оказали предпочтение), вызывает душевный трепет: Лев Толстой, Эмиль Золя, Анатоль Франс, Марк Твен, Генрик Ибсен, Август Стриндберг ¹⁷. «Уникальным литературным произведением» ¹⁸ назвал Алексей Борисович Егоров «Римскую историю» в аналитическом обзоре ее содержания ¹⁹. Но римская история стала для Моммзена не только объектом литературного творчества; как подчеркивает Демандт, в числе важнейших «смен позиций Т. Моммзена» было развитие от историка-литератора к историку-специалисту ²⁰. «Из великих представителей немецкой науки об античности XIX в. Теодор Моммзен достиг высшей славы», – написал Карл Христ ²¹.

Центральное место в обширном научном наследии Т. Моммзена занимает – как объект изучения – римское публичное право, представленное им в виде целостной системы в труде «*Römisches Staatsrecht*» (1871–1888 гг.) ²², обычным и точным (отнюдь не только из-за объема – свыше 3 тыс. страниц) эпитетом которого стало на всех языках слово «монументальный». Ханс Клофт отмечает, что «Моммзен сам рассматривал «Государственное право» как свое самое значительное достижение и, без сомнения, этим грандиозным трудом авторитетно определялись дальнейшие исследования вплоть до наших дней» ²³. Кроме этого фундаментального труда Моммзен написал (уже в возрасте 76 лет) сжатый «Очерк римского государственного права» ²⁴, в котором «в компактной форме и строгой систематике еще раз резюмировал то, что изложил во всей широте и с исчерпывающими доказательствами по источникам» ²⁵ в своем капитальном исследовании. Затем он дополнил картину римского публичного права изучением права уголовного, опубликовав посвященный последнему труд в 1899 г. ²⁶

¹⁴ См. Wickert L. Theodor Mommsen. Eine Biographie. Bd III. Frankfurt am Main, 1969. S. 620.

¹⁵ В письме Моммзена: «*nec di nec homines nec rerum summa columnae...*». У Горация (*De arte poetica*. 368–373):

«...certis medium et tolerabile rebus
Recte concedi: consultus iuris et actor
Causarum mediocris abest virtute disertis
Messallae nec scit quantum Cascellius Aulus,
Sed tamen in pretio est: mediocribus esse poetis
Non homines, non di, non concessere columnae».
«...Есть предметы, в которых
Даже посредственность всеми терпима и может быть сносной.
Так юрисконсульт иной, хотя красноречия силой
Не сравнится с Мессалой, ни знаньем с Касцеллием Авлом,
Но уважают его. А поэту ни люди, ни боги,
Ни столбы не прощают посредственность: всем нестерпима!»
(Пер. М. Дмитриева).

¹⁶ См. Demandt. Op. cit. S. 276.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Егоров А.Б. Теодор Моммзен и «Римская история» // Моммзен Т. История Рима. Т. 1. СПб., 1994. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 5–17.

²⁰ Demandt. Op. cit. S. 277.

²¹ Christ K. Von Gibbon zu Rostovtzeff. Leben und Werk führender Althistoriker der Neuzeit. 2. Aufl. Darmstadt, 1979. S. 84.

²² Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. 3. Aufl. Bd I–III / 1. Lpz, 1887; Bd III / 2. Lpz, 1888.

²³ Kloft H. Verantwortung und Rechenschaftspflicht. Überlegung zu Mommsens Staatsrecht // *Imperium Romanum. Studien zu Geschichte und Rezeption. Festschrift für Karl Christ zum 75. Geburtstag*. Stuttgart, 1998. S. 420.

²⁴ Mommsen Th. *Abriss des römischen Staatsrecht*. Lpz, 1893.

²⁵ Kunkel. Theodor Mommsen... S. 372.

²⁶ Mommsen Th. *Römisches Strafrecht*. Lpz, 1899.

Всякий, кто стремится мысленно охватить изучение римской государственности в историографии последнего столетия, задается вопросом: в чем состоит главное непреходящее значение моммзеновской «системы» римского государственного права для науки об античности? В поисках ответа на него следует обратиться к оценкам современников Моммзена, исследователей последующих поколений, романистов сегодняшнего дня, тем более, что на рубеже веков интерес к творческому наследию великого ученого неизбежно усилился (как, это, очевидно, произойдет и на следующем рубеже веков). Весьма интересный в данном отношении историографический пласт – работы, посвященные сопоставлению с концепцией Моммзена результатов других исследователей, также стремившихся написать обобщающие труды по римской государственности. Наконец, используя и собственный скромный опыт исторической реконструкции римских политических институтов, попытаюсь дать свой ответ на поставленный вопрос.

Моммзен создавал «систему» в противовес «римским государственным древностям», как антитезу господствовавшему тогда историко-антикварному пониманию государства. Благодаря его труду «государственные древности» стали рассматриваться в рамках истории права²⁷. Из его современников, пожалуй, наибольший вклад в изучение римского государства с антикварных позиций внес Людвиг Лаинге. Он откликнулся на первый том «Римского государственного права» Моммзена заметкой, в которой решительно защищал историко-антикварное отношение к источникам²⁸. Следует, однако, подчеркнуть, что, отвергая антикварный метод работы, Моммзен, безусловно, воспринял накопленные сторонниками этого метода научные результаты и наблюдения над источниками. Используя метафору самого Моммзена, Карл-Йоахим Хелькескамп отметил, что тот строил «целостное здание» своей системы государственного права из «отдельных бревен и кирпичей антикварных государственных древностей»²⁹.

Моммзен стремился разработать всеохватывающую, именно целостную концепцию римского публичного права. Исторической опорой ему служили источники, главным образом, классической и поздней Республики. Реконструировав основные государственно-правовые механизмы на источниковом материале, описывающем III–I вв. до н.э., он нередко экстраполировал их и на раннюю Республику, не выделяя ее специфики. В констатации этого факта нет упрека гениальному мастеру – объять необъятное одному человеку невозможно даже при той феноменальной интенсивности исследовательского труда, которую он демонстрировал на протяжении жизни и при том творческом долголетии, которое ему было суждено (просто не может не поражать его заинтересованное внимание в последние месяцы жизни к новым находкам фрагментов консульских фаст³⁰).

Моммзен создавал свою «систему», поочередно характеризуя политические структуры и рассматривая явления государственной жизни сквозь призму юридических понятий, т.е. применяя институциональный подход и логически-правовой дедуктивный метод анализа (например, он рассматривал такой институт, как комиция, через преломление понятия «гражданство»). «Система» понималась им как действовавшая в римском государстве «в своих основных чертах от начала римской истории вплоть до перехода во времена Империи»³¹.

Моммзен построил «систему» римского публичного права «на трех китах»: комиция – сенат – магистратуры, вычленив, тем самым, законодательную, распорядительную (контролирующую) и исполнительную власть. В его теории они составляли глав-

²⁷ Heuß A. Theodor Mommsen und das 19. Jahrhundert. Kiel, 1956. S. 54.

²⁸ См. Kloft. Op. cit. S. 415.

²⁹ Hölkeskamp K.-J. Zwischen «System» und «Geschichte». Theodor Mommsens Staatsrecht und die römische «Verfassung» in Frankreich und Deutschland // Die späte Römische Republik. La fin de la République Romaine. Un débat franco-allemand d'histoire et d'historiographie. P., 1997. S. 103.

³⁰ См. Деметтьева В.В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000. С. 17–18.

³¹ Nippel W. Рец.: Frank Behne. Heinrich Siber und das «Römische Staatsrecht» von Theodor Mommsen. Ein Beitrag zur Rezeptionsgeschichte Mommsens im 20. Jahrhundert. Hildesheim–Zürich–New York, 1999. 278 s. (Beitrag zur Altertumswissenschaft. 12) // Gnomon. 2002. Bd 74. Ht 5. S. 467.

ные опоры римской конституции. Собственно ядром, корнем, центральным элементом совокупного государственного устройства он считал магистратуры³². «Особенно смелая мысль, – подчеркивал В. Кункель, – состояла в том, чтобы в понятие магистратуры включить также царскую власть времен раннего Рима и принципат додиоклетиановой империи»³³.

Царская власть архаического Рима трактовалась Моммзенем как своеобразный прототип магистратуры; создание Республики означало ограничение «магистратской власти», какой обладал гех, посредством введения в действие принципов годичности и коллегиальности, а также специальных должностей для выполнения отдельных функций.

Моммзен исходил, как отмечает В. Ниппель, из постоянства правовой сущности государственных институтов и из единства понятийного аппарата, так что даже те сообщения традиции, которые он считал фиктивными, должны были служить доказательством его «системы»³⁴. Используя «институциональный принцип» изучения государственного устройства, – рассматривая, в частности, избирательные и судебные полномочия центуриатных комиций, – Моммзен создал так называемую «универсальную теорию провокации», признавая *provocatio* основным гражданским правом с самого начала Республики, законным средством для гражданина опротестовать приговор магистрата, как суда первой инстанции, в суде второй инстанции – народном собрании. Суд комиций выступал в качестве «инстанции помилования». Таким образом, Моммзен рассматривал республиканский уголовный процесс как комбинированный, магистратско-комициальный. После долгого отрицания этой концепции современное антиковедение опять возвращается к ней³⁵.

В политической организации Римской республики с самого начала ее существования Моммзен важнейшую, первостепенную роль отвел магистратской власти, основывавшейся на *imperium*. Это положение моммзеновской теории господствовало в науке целое столетие, и только в начале 1980-х годов соотечественник Моммзена Альфред Хойс и итальянский исследователь Адальберто Джованнини убедительно аргументировали иную точку зрения, показав, что в государственной жизни политическое влияние *patres* было выше магистратского³⁶. Специальное изучение института *intercessio* привело и меня к выводу, что полномочия магистрата рассматривались как вторичные по отношению к политической власти *patres*, но оно же одновременно и убедило меня в том, что многие черты магистратского империя, вскрытые Моммзенем (в частности, например, генетические связи с империем рексов), действительно являются его сущностными характеристиками.

Не заостряя внимание на особенностях политического устройства первого века Республики, Моммзен полагал, что одновременно с ее установлением в 509 г. до н.э. высшими ординарными магистратами стали два консула (первоначально называвшиеся преторами) с одинаковыми полномочиями. В этом представлении о равной коллегиальности должностных лиц опять-таки можно усматривать «перенос» Т. Моммзенем политико-правового механизма классической Республики на ранний ее период. Я полагаю, что коллегиальность высших магистратов в значении *par potestas*, т.е. прежде всего в смысле *ius intercessionis* (а не в качестве синонима понятию «неоднородность»), впервые появляется в децемвирате, в ординарной же магистратуре – только с 449 г. до н.э.³⁷ Однако нельзя не отдать должное глубине наблюдений Моммзена и над термином *praetor maximus* (который затем, в первой половине XX в., станет главным

³² См., например: *Hölkeskamp*. Op. cit. S. 101–102.

³³ *Kunkel*. Theodor Mommsen... S. 373.

³⁴ *Nippel* W. Schicksal schöner Frauen. Fakten und Fiktionen: Marie Theres Fögen untersuchte den Ursprung des einzigartigen Römischen Rechts // *Süddeutsche Zeitung*. 2002. № 63. Freitag, 15. März. S. 20.

³⁵ См. об этом: *Дементьева В.В.* Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н.э. М., 2003. С. 116–118.

³⁶ См. об этом: *она же*. Римское республиканское междоусобие как политический институт. М., 1998. С. 62–63.

³⁷ См. *Дементьева*. Децемвират... С. 131–138.

объектом дискуссий в историографии вопроса о первой ординарной магистратуре), и над сутью римской коллегияльности. Именно Моммзен дал трактовку титула *praetor maximus* как обозначения приоритетности функций магистрата, а не как названия самостоятельной должности. Теория ординарной диктатуры, базировавшаяся на представлении о *praetor maximus* как особой должности, одно время была популярна в антиковедении³⁸, но к концу XX в. у нее находилось все меньше сторонников. Тем самым произошел возврат к моммзеновскому пониманию *praetor maximus*, при том, что представление о первой постоянной магистратуре Республики претерпело, по сравнению с его гипотезой, существенные изменения.

Целенаправленно занимаясь построением историко-правовой модели чрезвычайной власти ранней Римской республики, я отчетливо вижу, что по совокупности исследовательских замечаний и соображений относительно экстраординарных римских структур, по их объему, разнообразию и глубине вряд ли кто другой из авторов обобщающих трудов по римской государственности может сравниться с Моммзеном. Даже не принимая предложенную им классификацию раннереспубликанских чрезвычайных институтов³⁹, хотелось бы подчеркнуть, что специальный анализ магистратур диктатора, интеррекса, децемвиров, консульских военных трибунов дает основания считать правомерной их характеристику как экстраординарных органов власти – а именно так определял их Моммзен, в отличие от немалого числа своих современников и представителей последующих поколений романистов. При этом он определял их как экстраординарные скорее благодаря научной интуиции, чем в результате детального всестороннего рассмотрения, но интуиция эта была следствием теоретического осмысления публично-правовых и политических основ римского республиканского устройства и базировалась на исторической, филологической и иной эрудиции автора.

Рассматривая принципат в рамках развития конституционно-правовой традиции республики, исходя из теории континуитета, Моммзен предложил свою известную концепцию диархии для объяснения сути режима, созданного Октавианом Августом. Историческая мысль в разработке этой проблемы двинулась дальше, но представляется, что, не будь теории диархии, не было бы и распространенной сейчас теории принципата как сложной синтетической системы, как своеобразного сплава республиканских и монархических черт.

Изложенные теоретические построения – это «несущие элементы» грандиозной конструкции под названием «римское публичное право»: можно спорить о том, в каких своих составляющих она является реконструкцией (т.е. адекватно воссоздает его сложную архитектуру), а в каких – «новомодом»; на какой фундамент это здание опиралось, в какое время оно имело именно такой вид, а в какие периоды было недостроено или перестроено до неузнаваемости. Но это «здание» – результат напряженнейшей аналитической работы мысли «высокого полета», позволившей с этой высоты охватить его общую планировку, ускользающую при собирании из обломков отдельной колонны, антаблемента или даже целой стены.

При изучении общетеоретических построений Моммзена в историографических наблюдениях поднимался вопрос о влиянии предшественников на его обобщающую концепцию. Так, Эгон Флаиг включал «систему» Моммзена в политико-философскую традицию, идущую от французских мыслителей (Жан-Жака Руссо, Бенжамена Констана). Адальберто Джованнини стремился доказать, что теория Моммзена о самостоятельности магистратуры, с одной стороны, и народном суверенитете, с другой, была им заимствована у предшественников в науке, в первую очередь, у Йозефа Рубино, во вторую – у Вильгельма-Адольфа Беккера⁴⁰. Перекликается с последним утверждением замечание Шт. Ребениха, что от Й. Рубино перенял Моммзен «примат магистрата

³⁸ Она же. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль, 1996. С. 26–28.

³⁹ См. она же. Децемвират... С. 161–162, 170.

⁴⁰ См. Kloft. Op. cit. S. 425.

туры», и, как Б.Г. Нибур, усмотрел он в Риме политический образец государства в его внутреннем единстве⁴¹. Хотелось бы по поводу приведенных положений заметить, что теоретический багаж любого, в том числе и самого крупного, ученого формируется не на пустом месте, не только из «его собственной головы», и чем мощнее ум, тем более он в состоянии «переварить» научное наследие предшественников, но тем и сложнее вычленил «элементы заимствования», ибо они настолько «переплавляются» его интеллектом, что исходные посылки становятся неузнаваемыми. Не сомневаясь в том, что и Рубино, и Беккер, и Нибур своими научными сочинениями оставили след в «идейном багаже» Моммзена и допуская лепту в нем французских философов и историков, я полагаю, что в главном результате – в создании «системы» римского публичного права – Моммзен выступил, безусловно, как оригинальный мыслитель.

«Метаисторически-статичный», по определению Хёлькескампа⁴², вид «целостного здания римского государственного права», его «вневременной» характер обусловили в дальнейшем попытки рассмотреть римскую конституцию в историческом развитии. Противоречие между «системным» и «историческим» измерением государственного права⁴³ вызывало стремление не только критиковать «систему», но и «демонтировать» ее.

Уже у Эрнста Херцога нетрудно заметить желание придать «системе» государственного права историчность, название его книги «Geschichte und System der römischen Staatsverfassung»⁴⁴ явно отражает такую цель. Она не осталась чисто декларативной: Херцог действительно рассматривал публичную власть в контексте законодательных изменений, уделяя пристальное внимание проблеме происхождения того или иного органа этой власти. Но он ни в коем случае не противопоставлял «историчное» и «системное» измерение римского государственного права, а пытался дополнить одно другим.

Попытки «демонтажа системы», переноса отдельных ее конструкций на «исторические рельсы», рассмотрения всей «римской конституции» и ее составных частей в развитии предприятия были не сразу: первая генерация исследователей, идущих вслед за Моммзеном, поколение его учеников, не рискнули это сделать, возможно, как считает Йохен Бляйкен, под давлением его научного авторитета⁴⁵. «Работы, которые бы после Моммзена рассматривали суть римского, прежде всего республиканского государства, в охвате всех феноменов образующих государство форм, были вообще редкими, поскольку неизбежно должны были ассоциироваться с принципиальной полемикой с огромным трудом Моммзена, которой авторы долгое время стремились избежать»⁴⁶.

Первым, кто предпринял попытку «основательной ревизии учения Моммзена» с целью придания историчности римской конституции, был Генрих Зибер (причем, заметим, как это ни странно, не историк, а тоже юрист)⁴⁷. Он подразделил развитие римского государственно-правового устройства на периоды: царский, ранняя Республика, патрицианско-плебейское государство и принципат. Кроме того, он стремился рассмотреть государственное право на социально-историческом фоне. Но в целом, как отмечал Бляйкен, Зибер ориентировался в своих построениях на «Römisches Staatsrecht», и его книга представляла собой, вследствие введения периодизации, «кусками нарезанного Моммзена»⁴⁸. Заслугой Зибера Бляйкен считает то, что он указал на слабости интерпретации Моммзеном многих римских государственных явлений и подверг их серьезной критике. В частности, например, Зибер отрицал юридическую силу пле-

⁴¹ *Rebenich*. Op. cit. S. 107.

⁴² *Hölkeskamp*. Op. cit. S. 108.

⁴³ *Ibid.* S. 109.

⁴⁴ *Herzog E.* Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd I. Lpz. 1884 (переизд. 1965).

⁴⁵ См. об этом *Bleicken J.* Im Schatten Mommsens. Gedanken zu Wolfgang Kunkels Buch über die Magistratur in der römischen Republik // *Rechtshistorisches Journal*. Bd 15. Frankfurt am Main, 1996. S. 6–7.

⁴⁶ *Bleicken*. Im Schatten Mommsens... S. 7.

⁴⁷ *Siber H.* Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Lahr, 1952.

⁴⁸ *Bleicken*. Im Schatten Mommsens... S. 7–9.

бисцитов до закона Гортензия 287 г. до н.э., что является исторически аргументированным и чего Моммзен не сделал. Но в целом, по мнению Бляйкена, Зиберу, в отличие от Моммзена, не доставало надежности концепции и самостоятельности суждений⁴⁹.

Сопоставлению научных позиций Моммзена и Зибера посвятил свою диссертацию Франк Бене⁵⁰. Он также подчеркнул, что, «расчлняя» материал хронологически, Зибер фиксировал его «государственно-правовыми пластами». Бене выбрал три проблемы для сравнения трактовок двух исследователей: плебейский трибунат, нобилитет республиканского времени и ранний принципат. Так, он утверждал, что если у Моммзена нобилитет – лишь расширение патрициата, от которого он никак не отличался, то Зибер изображал формирование нобилитета как процесс, протекавший диалектически, от противоборства сословий до их уравнивания. Но при этом Зибер выяснял правовые отношения между сословиями, и нобилитет у него едва ли находил свое место, коль скоро он оказывался феноменом, который не может быть описан посредством юридических понятий⁵¹. Моммзен, отмечал Бене, низводил сословную борьбу до отдельных проявлений и ни в коем случае не осмысливал исторический процесс. Рассматривая сословия патрициев и плебеев параллельно, он также параллельно рассматривал консулат (как магистратуру патрициев) и плебейский трибунат (как высшую должность плебеев), причисляя его к магистратурам. Зибер же не только не относил плебейский трибунат к магистратурам, но и описал его собственное историческое развитие⁵². Но так же как и Моммзен, Зибер низводил сословную борьбу до принимавшихся в течение столетий законов, а плебейский трибунат был у него лишь юридической конструкцией. У Моммзена, – полагает Бене, сопоставляя трактовку двумя учеными формирования принципата, – отсутствует изображение социального напряжения и борьбы за власть внутри нобилитета, из которого вышел будущий принцепс Октавиан; так же и у Зибера император предстает только правовой структурой, вне социальных рамок. В итоге своего исследования Бене пришел к выводу, что Зибер находился под сильным влиянием «Римского государственного права» Моммзена, но его труд явился «определенным шагом в правильном направлении»⁵³, имея в виду то «историческое измерение», которое придал Зибер правовым институтам.

Другие попытки обобщающего анализа римской государственности были, в целом, немногочисленны, и влияние Моммзена в них, безусловно, проявилось. Так, оставившись на монографии Ойгена Тойблера⁵⁴, Бляйкен отмечал, что «так же, как и у Зибера, из каждого угла тойблеровской книги выглядывает Моммзен»⁵⁵.

Относя к числу исследователей, внесших существенный вклад в романистику, Андреаса Альфельдя, Карл Христ подчеркивал, что в его работах доминировали государственно-правовые и конституционно-правовые методы Теодора Моммзена⁵⁶.

Давая развернутую характеристику сочинению Вольфганга Кункеля⁵⁷ – последнему на настоящий момент в немецкой историографии капитальному труду по римскому государственному устройству – Бляйкен подчеркнул, что Кункель, как и Моммзен, излагал римский государственный порядок через отдельные институты и правовые нормы; и относящееся к Моммзену критическое замечание о том, что политические, соци-

⁴⁹ Ibid. S. 9–10.

⁵⁰ Behne F. Heinrich Siber und das Römische Staatsrecht von Theodor Mommsen. Ein Beitrag zur Rezeptionsgeschichte Mommsens im 20. Jahrhundert. Hildesheim–Zürich–New York, 1999; *idem*. Volkssouveränität und verfassungsrechtliche Systematik. Beobachtungen zur Struktur des Römischen Staatsrechtes von Theodor Mommsen // Res publica reperta. Stuttgart, 2002. S. 124–136.

⁵¹ Behne. Heinrich Siber... S. 121, 124–125.

⁵² Ibid. S. 155–160, 263.

⁵³ Ibid. S. 264.

⁵⁴ Täubler E. Der römische Staat. Stuttgart, 1985.

⁵⁵ Bleicken. Im Schatten Mommsens... S. 10–11.

⁵⁶ Christ K. Neue Profile der Alten Geschichte. Darmstadt, 1990. S. 60.

⁵⁷ Kunkel W. Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik. 2. Abschnitt: Die Magistratur. München, 1995.

альные и экономические предпосылки римского государственного устройства он должным образом не рассматривал, относится и к Кункелю⁵⁸. Отмечая ряд важнейших отличий в подходах и установках Кункеля и Моммзена, Бляйкен указывает, что у Кункеля речь идет не о Республике в целом, а только о хронологическом отрезке начиная с середины III в. до н.э. и заканчивая сулланской реставрацией, лишь иногда автор обращается к V в. до н.э., но чаще и глубже – к концу Республики⁵⁹. Хотя труд Кункеля называется «Государственный порядок и государственная практика Римской республики», Бляйкен заметил, что «практика» едва ли могла стать целью «институциональной истории», поэтому он бы изъясил «государственную практику» из названия книги⁶⁰. «Я вижу в книге Кункеля возврат к Моммзену, естественно, не к его категориальной системе, но к его пониманию истории конституции, как истории институтов»⁶¹. Поэтому Бляйкен, очевидно, и назвал свою рецензию на труд Кункеля «В тени Моммзена» – это выражение стало штампом в немецкой историографии последних лет.

Неудивительно, что в XX в. критиковали «систему» Моммзена преимущественно именно те, кто «находился в его тени», т.е. те, кто пытался предложить свое видение основополагающих устоев римской государственности. «Ряд критиков, между тем, длинен и показателен, – отмечает Ш. т. Ребених, – охватывает юристов и историков. Тон задали Леопольд Венгер, Альфред Хойс, Вольфганг Кункель и Йохен Бляйкен»⁶². Одно из самых распространенных обвинений состоит в модернизации Моммзеном римских государственно-правовых устоев.

Разумеется, как юрист и политик своего времени Моммзен не был свободен от влияния современных ему общественных проблем. Он не стоял от них в стороне, а в отдельные периоды окунаясь в самую их гущу: например, во время революции 1848 г. был редактором «Schleswig-Holsteinische Zeitung», но, как замечает Момильяно, революционером Моммзен не был⁶³. Он восхищался достижениями Бисмарка по объединению Германии, хотя позднее подвергал рейхсканцлера острой критике по вопросам внутренней политики⁶⁴. Подчеркнем все же, что с течением времени академические, научные интересы (как об этом можно судить по подробному воссозданию фактов моммзеновской биографии) стали преобладать над желанием участвовать в политических дискуссиях, но до конца это желание не вытеснили. Проблемы современной ему политики, конечно, не могли не накладывать отпечаток на размышления Моммзена о политико-правовых реалиях античного Рима.

В частности, Клофт предлагает интересный анализ понятия «ответственность магистратов», содержащегося в заключительной части первого тома «Римского государственного права» Моммзена, обращая внимание на то, что категория «ответственность» была предметом дискуссий в конституционных дебатах и в проектах государственных преобразований XIX в.⁶⁵ Он также отмечает, что интерпретация Моммзеном эпохи первых царей сложилась под влиянием либерального учения о государстве XIX в., особенно взглядов В.Е. Альбрехта⁶⁶. Ребених назвал Моммзеново «Римское государственное право» «памятником либерализма XIX в.», ибо автор находил в римской *res publica* историческую парадигму для либеральных требований к государству: «Для либерала Моммзена государство мыслилось только как правовое государство. Уже в 1845 г. он сформулировал, что “право есть сердцевина государства”, “нерв всех отношений в его жизни”». Именно в Римской республике увидел Моммзен «модель государства, которое основано на разделении властей и суверенитете народа»⁶⁷.

⁵⁸ Bleicken. Im Schatten Mommsens... S. 5, 12.

⁵⁹ Ibid. S. 20.

⁶⁰ Ibid. S. 25.

⁶¹ Bleicken. Im Schatten Mommsens... S. 26.

⁶² Rebenich. Op. cit. S. 116.

⁶³ Momigliano. Op. cit. S. 181.

⁶⁴ Nippel. «Ich wünschte...» S. 72.

⁶⁵ Kloft. Op. cit. S. 411, 420.

⁶⁶ Ibid. S. 429.

⁶⁷ Rebenich. Op. cit. S. 118–119.

Отмеченное воздействие политических теорий и настроений своего времени вполне естественно, от него не свободен ни один исследователь прошлого. «Созерцание истории всегда исходит из настоящего», – говорил Эдуард Мейер⁶⁸. Собственно, главная функция историка – установление диалога между людьми его времени и людьми, жившими в изучаемую им эпоху. Этот диалог может быть осуществлен, только если историк характеризует условия жизни, действия, мысли и чувства людей отдаленного прошлого на языке, понятном своим современникам. В этом смысле историк – всегда «модернизатор», ибо он всегда переводчик на язык иной ментальности. Но только тогда будет установлен подлинный диалог, когда историк отразит прошлое, исходя из представлений людей изучаемого времени, через систему их понятий (переводя эти понятия на современный ему социокультурный, политический и иной язык). Моммзен всегда стремился отталкиваться от понятийного аппарата античных авторов.

Проявление модернизации иного свойства – оценка Моммзеном отдельных политических деятелей Римского государства под влиянием политических идеалов своего времени. Хорошо известно, например, что «либерал Моммзен прощает Цезарю основание абсолютной военной диктатуры, а националист Моммзен извиняет ему порабощение Галлии»⁶⁹.

Не забудем, однако, что имеющие оттенок модернизации характеристики, данные Моммзеном римлянам, событиям римской истории и элементам римской политической организации, нередко имели целью, по справедливому замечанию Егорова, «просто выразить менее известное через более знакомое и понятное»⁷⁰.

Соглашаясь с тем, что Моммзен не избежал модернизации, не могу, вместе с тем, признать справедливыми утверждения о том, что представления Моммзена о римской конституции проистекали из конституционализма XIX в. и мало были связаны с анализом источников⁷¹. Нельзя не считать позитивным явлением смягчение подобных оценок в публикациях последних лет. Так, Хёлькескамп, не отрицая, что современные Моммзену концепции государства и позитивистские теории повлияли на него, подчеркивает, вместе с тем, что правовые формы, правила, общие нормы, которые формулировались Моммзеном путем реконструкции политических институтов, имели опору в материале источников⁷². Тот же лейтмотив присутствует и в цитированной статье Клофта (см. прим. 23). Действительно, если мы возьмем, допустим, понимание Моммзеном комиций, плебейского трибуната и права провокации в качестве правовых гарантий гражданского статуса римлян, то обращение исследователей к источникам показывает, что именно так, в качестве «институционализированных гарантий» и «символов, выражающих свободу народа», понимал трибунат, народные собрания и право провокации Цицерон, о чем пишет Ниппель⁷³. Не следует недооценивать работу Моммзена с источниками (вспомним, что он зарекомендовал себя как блестящий эпиграфист, получив еще в 1844–1847 гг. хорошую практику в Италии), хотя естественно, что его обращение с ними имело свои особенности, обусловленные профессиональной подготовкой. По замечанию Кункеля, «юрист подходит к источникам с иной постановкой вопросов и при помощи своей специальной выучки... может извлечь из них в определенном отношении несколько больше, чем историк»⁷⁴.

На протяжении долгого времени в историографии акцентировалось, что «система» Моммзена, будучи юридической схемой, оказалась лишенной важных историче-

⁶⁸ Цит по: *Demandt*. Op. cit. S. 174.

⁶⁹ *Demandt*. Op. cit. S. 232.

⁷⁰ *Егоров*. Ук. соч. С. 13.

⁷¹ *Kunkel W. Magistratische Gewalt und Senatsherrschaft // ANRW. I. 2. B.–N.Y., 1972. S. 16; Bleicken J. Lex Publica. Gesetz und Recht in der Römischen Republik. B.–N.Y., 1975. S. 516; Behrends O. Der römische Gesetzesbegriff und das Prinzip der Gewaltenteilung // Zum römischen und neuzeitlichen Gesetzesbegriff. Göttingen, 1987. S. 67.*

⁷² *Hölkamp*. Op. cit. S. 108.

⁷³ *Nippel W. Mischverfassungstheorie und Verfassungsrealität in Antike und früher Neuzeit. Stuttgart, 1980. S. 155.*

⁷⁴ Цит. по: *Kloft*. Op. cit. S. 415.

ских реалий, явилась вневременной. Бляйкен приводит бросавшиеся Моммзену упреки в том, что он через систематизацию тысячи лет существования римского государства «изнасиловал историю»⁷⁵. Заметим, однако, что без масштабного обобщения, без систематизации, без сведения к определенной схеме глубокий анализ на уровне построения научной теории невозможен. Издержки здесь неизбежны, но без «огрубления до схемы» не выявить суть.

Выйти на очень высокий уровень научного обобщения (уровень масштабной научной теории), – который, собственно, и демонстрирует его «система», – Моммзену, на мой взгляд, помогло именно то, что он, по выражению Карла Нойманна, «был юристом в той же мере, что и историком, или историком в равной мере, как и юристом»⁷⁶. Кункель, правда, отмечал, что «обе души – юриста и историка – жили в груди Моммзена на различных участках»: будучи профессором права в Лейпциге, Цюрихе и Бреслау, он писал рецензии на труды цивилистов, и по этим рецензиям никак нельзя подумать, что их автор – историк или исторически ориентированный юрист; когда он издавал свою «Римскую историю», по тексту ее нельзя было догадаться, что ее написал специалист по пандектному праву⁷⁷. Мне же кажется, что при создании «системы» римского государственного права «раздвоение души» Моммзена-ученого было органичным и, если бы в ней не жил историк, вряд ли бы «система» могла быть создана, но «юридическое начало» его исследовательской природы проявилось как доминирующее.

Моммзен отдавал себе отчет в том, что выполнение задачи построения глобальной схемы неизбежно приводит к появлению противоречия между историей римской конституции и ее теорией, между историческим развитием государственного устройства Рима и его изображением «в системе». Он пытался разрешить это противоречие, по мнению Ребениха, «путем решительного разделения “правовой формы” и “фактического содержания”»⁷⁸. Мне представляется, что Моммзен вполне понимал, что противоречие это не может быть в принципе полностью устранено, ибо изучать общее приходится в статическом срезе: проследить динамику сразу всех частей сложной системы, не упуская из виду их функциональное единство, практически невозможно – при рассмотрении деталей теряется общий план. Отвечая своим критикам, Моммзен в предисловии к «Очерку римского государственного права» 1893 г. написал, что, проповедуя противоположный ему подход, они «за деревьями не видят леса». Если объектом изучения является лес, то пристальным вниманием к отдельным деревьям придется пренебрегать.

Создавая обобщающую картину римского государственного устройства, Моммзен как юрист оставался на почве цивилистической науки своего времени – пандектного права⁷⁹, действовавшего в Германии вплоть до начала XX в. Юристы этого направления отодвигали на задний план экономические и социальные функции правовых норм и институтов, выдвигая на передний чисто юридическую, догматическую логику. Вместе с тем, в студенческие годы учителями Моммзена были ученики Ф.К. фон Савиньи, основателя «исторической школы права», в частности, Г.Х. Бурхарди, у которого Моммзен слушал в 1838 г. первые в своей жизни лекции по романистике⁸⁰. Методам «исторической школы права» Моммзен в молодости доверял⁸¹, что, вероятно, и в дальнейшем сказалось на его научных подходах к римскому публичному праву.

«Римское государственное право» Теодора Моммзена оказало влияние не только на немецкую историографию, но и на антиковедение других национальных школ, в том числе и на русскую науку (В.И. Герье, Э.Д. Гримм, Н.А. Машкин, С.И. Ковалев)⁸².

⁷⁵ *Bleicken*. Im Schatten Mommsens... S. 27.

⁷⁶ *Neumann K.J.* Entwicklung und Aufgaben der alten Geschichte. Strassburg, 1910. S. 17.

⁷⁷ *Kunkel*. Theodor Mommsen... S. 370.

⁷⁸ *Rebenich*. Op. cit. S. 112.

⁷⁹ *Kunkel*. Theodor Mommsen... S. 370, 376.

⁸⁰ *Rebenich*. Op. cit. S. 28.

⁸¹ *Kunkel*. Theodor Mommsen... S. 377.

⁸² *Егоров*. Ук. соч. С. 8.

Анализу рецепции главного научного сочинения Моммзена во французской романистике посвятил свою статью Хёлькескамп, отметивший, что восприятие теории Моммзена во Франции началось сразу после выхода перевода книги в 1887–1891 гг.⁸³, хотя главное направление французской исследовательской традиции, заложенное Фюстель де Куланжем, было иным⁸⁴. Влияние труда Моммзена Хёлькескамп усматривает в том, что по сей день во французской историографии существует направление, для которого характерен особый интерес к предистории и ранней истории республиканских институтов, к догосударственным, гентильным истокам учреждений, сакральным корням властных полномочий, к жречеству и патрициату⁸⁵. И это при том, что французской исследовательской традиции не свойственна фиксация на «системе», «государстве» и других абстрактных понятиях немецкого юриста Моммзена⁸⁶.

Моммзен остается самым цитируемым автором среди антиковедов, – нет другого романиста, на работы которого столь же часто ссылались бы в мировой науке⁸⁷. «Труды Т. Моммзена, – отметил Кункель, – прежде всего “Римское государственное право”, приобрели вскоре после своего появления чрезвычайный, можно сказать, принудительный и парализующий авторитет»⁸⁸, подчеркнув, что этому способствовало филологическое мастерство, овладение материалом, искусство интерпретации.

Однако, как глубоко заметил тот же Кункель, «система» государственного права Моммзена не служит фундаментом, на котором можно просто строить и дальше, ибо он сам завершил строительство во всех деталях⁸⁹. Кункель оказался солидарен с Хойсом, писавшим, что «моммзеновскую систему можно или принять, или разрушить», в том смысле, что «достраивать» или «перестраивать» ее нельзя.

Стремившихся «демонтировать» систему Моммзена оказалось, пожалуй, не меньше, чем ее принимавших. Но и те, кто ее целенаправленно разрушал, использовали что-то из его конструкции, причем очень часто не просто «кирпичи и балки», а нечто более существенное, принципиальное. Так в чем же оно состоит, и почему уже многие поколения историков, даже целенаправленно стремясь «основательно ревизовать» «систему» римского государственного права, предложенную Т. Моммзеном, не порывают в каком-то отношении с ней? Историографические штудии многих антиковедов, да и мои собственные наблюдения показывают, что не порывали ни Г. Зибер, ни В. Кункель, ни А. Хойс, ни даже Й. Бляйкен, который предложил серьезно отличающиеся от трактовок Моммзена концепции плебейского трибуната, магистратур и империя и отрицал историчность моммзеновской «универсальной теории провокации», – все эти авторы в своих исследованиях опираются на некое общее «наследие Моммзена». В чем его суть и непреходящая актуальность, я и постараюсь теперь сформулировать.

Жизнеспособным, постоянно используемым в антиковедении оказался сам *метод теоретического моделирования исторических реалий на основе применения правовых категорий*. Именно его не могли сознательно или неосознанно отбросить последовавшие за Моммзеном поколения романистов, поскольку метод этот оказался научно плодотворным: он давал ключ к обобщению разрозненных фактов, предоставлял возможность концептуального осмысления источникового материала. Ведь Моммзена от историков и филологов антикварного направления отличало главное – те накапливали сведения источников и систематизировали их, описывая отдельные стороны римской жизни, пусть даже и в их разнообразии, но отнюдь не в единстве; он же построил логически выдержанную, внутренне непротиворечивую теоретическую модель

⁸³ Hölkeskamp. Op. cit. S. 99.

⁸⁴ Ibid. S. 110.

⁸⁵ Заметим, что та же проблематика входит в число приоритетных и в современном российском антиковедении, что, соответственно, также можно рассматривать как продолжающееся воздействие Моммзена на отечественную романистику.

⁸⁶ Hölkeskamp. Op. cit. S. 111.

⁸⁷ См. Heuß A. Theodor Mommsen als Geschichtsschreiber // Heuß A. Gesammelte Schriften in 3 Bänden. Bd 3. Stuttgart. 1995. S. 1744–1802.

⁸⁸ Kunkel. Theodor Mommsen... S. 380.

⁸⁹ Ibid.

римской государственности. Конечно, с позиций прожитого антиковедческой наукой века после Моммзена становится ясно, что его «система» оказалась слишком схематично-глобальной, слишком общей, чтобы «работать без сбоев» применительно к каждому сравнительно короткому историческому отрезку римской истории, — она не учитывает специфики государственности Рима на этих отдельных отрезках. Моммзен предложил свою систему тогда, когда в мировом антиковедении еще не было создано трудов по многим частным, конкретным вопросам и отдельным институтам римского политического устройства. Ему приходилось при этом нередко самому компенсировать недостающее, проводить анализ узкого вопроса (что он с блеском делал), но также нередко ему приходилось ограничиваться (при отсутствии возможности опереться на детальную проработку конкретной темы) рассмотрением ее только в некотором приближении, — иногда делая при этом гениальные догадки, а иногда и ошибаясь.

При специальном анализе оказывается, например, что многие правовые механизмы и государственные институты ранней Республики не подпадают под «универсальную схему» Т. Моммзена, — вероятно, она наиболее адекватна римским реалиям классической и поздней Республики, ибо на информации источников, относящихся к этому времени, преимущественно и создавалась (хотя и научные представления о государственно-правовом порядке этой эпохи неизбежно будут корректироваться дальнейшими исследованиями). Но используя предложенный Моммзеном метод историко-правового моделирования, можно создать теорию государственно-правовых основ применительно и к ранней Республике, и к эпохе Принципата, и любому другому историческому периоду. Хочется надеяться, что в наступившем столетии ряд таких моделей будет предложен. Поэтому главное наследие «системы» Моммзена, на мой взгляд, заключается не собственно в ней самой (хотя и она себя, в целом, далеко не исчерпала), а в методе ее построения.

Есть вероятность, что на новом уровне можно будет когда-либо повторить попытку создания общей теории римского публичного права, охватывающей, как у Моммзена, эпоху от ранней монархии до принципата. Для этого нужно предварительно, во-первых, провести детальный анализ каждой выявленной части римского государственного механизма, рассмотренной в ее развитии (это будет, конечно же, результатом труда немалого числа исследователей) и, во-вторых, на базе этого изучения построить историко-правовые модели как отдельных сфер действия этого механизма, так и отдельных периодов его функционирования. А затем, создав историко-правовые модели римской государственности отдельных этапов ее развития (царский период, ранняя Республика, классическая Республика, принципат; может быть, потребуются отдельные модели и для государственности поздней Республики) попытаться «состыковать» их в единую модель, в общую теорию римского публичного права. Допускаю, конечно, что такая попытка, опирающаяся на иную, по сравнению с Моммзеном, базу конкретных исследований, окажется на этом новом уровне безуспешной. Нельзя априорно утверждать, что цементирующие эту новую обобщающую теорию основания непременно найдутся. Но если и не найдутся, наличие отдельных моделей будет качественно новым теоретическим осмыслением такого уникального объекта изучения, как римская государственность. Ибо, хотя эти модели будут более локальными, чем единая «система» Моммзена, они имеют шанс быть более адекватными историческим реалиям.

Не исключено, однако, что новая общая, столь же масштабная, как у Моммзена, теория может иметь основания для научной состоятельности: до времени принципата включительно Рим «сохранял качество» античной полисной цивилизации, и некий государственно-правовой каркас в каких-то главных частях окажется единым и подпадающим реконструкции для хронологического отрезка от первых царей до последних принципатов. Весьма вероятно, что отдельные важные элементы моммзеновской конструкции будут при этом использованы, хотя в целом это будет уже иное теоретическое построение. Но для того, чтобы подобная обобщающая теория, новая «система» римского государственного права была создана, потребуются новый Моммзен. А Моммзены, как показывает путь развития науки, рождаются гораздо реже одного ра-

за столетие. Поэтому остается только уповать на то, что в условиях специализации и интеграции научных исследований XXI в. можно будет обойтись «коллективным Моммзеном». Но в любом случае, создать такую новую «систему» можно, именно опираясь на метод, впервые гениально примененный Теодором Моммзеном, – историко-правовое моделирование римской государственности.

THEODOR MOMMSEN: LEGAL MODELLING OF THE ROMAN STATE SYSTEM

V. V. Dementyeva

Pointing out that the central subject of Th. Mommsen's research was Roman public law, presented by him as a system, the author puts forward a question: what makes Mommsen's «system» still important for the study of ancient history? To answer this question she considers the judgements of his contemporaries and scholars of later times up to our days, especially those who compare Mommsen's conception with other comprehensive studies of the Roman state system.

As the author shows, detractors of Mommsen's «system» were nearly as numerous as its supporters. But what proved to be lasting, she maintains, was the very method of theoretical modelling of historical reality by means of legal categories. This method could not be rejected, consciously or not, by the generations of scholars that followed, for it proved to be fruitful: it provided a key for summarising various facts and gave grounds for a conceptual understanding of sources. Th. Mommsen constructed a logically consistent (free of inner contradictions) model of the Roman state system. A century after Mommsen one can see that his «system» turned out to be too global, too general to «work» equally well for any comparatively short period of Roman history, because it does not take into consideration the specificity of the Roman state system of every particular period. Special analysis shows, e.g., that many legal mechanisms and state institutions of the Early Republic cannot be fitted into Mommsen's «universal scheme». Most probably, the scheme is adequate for the Classical and Late Republic, for it was drawn on the basis of sources referring mainly to that time. But using the method put forward by Mommsen one can construct a theory of public law valid for the Early Republic, for the Principate and for any other period. This is why the importance of Mommsen's «system» consists not so much in the system itself (which is still far from being completely obsolete), as in the method of its construction.

The author admits that in the years to come, when specific models of particular state mechanisms together with more general models of Roman state system have been built, one will be able to undertake an effort of constructing a new theory of Roman public law as comprehensive as Mommsen's and based upon a new corpus of special studies. But this will only be possible if one still resorts to the method which Theodor Mommsen was the first to apply, i.e. legal modelling of the Roman state system.